

ГАРМОНИЯ НА РАЗНЫХ ОКТАВАХ

*...И тогда я сказала ему глазами чтобы он снова спросил да и тогда он спросил меня не хочу ли я да сказать да мой горный цветок и сначала я обвила его руками да и привлекла к себе так что он почувствовал мои груди их аромат да и сердце у него колотилось безумно и да я сказала да я хочу Да.**

Джеймс Джойс «Улисс». Часть III.
Эпизод 18 (последняя фраза романа)

...Опять же читатель, позволивший себе роскошь прочитать весь цикл настоящих рассказов о нынешней российской молодежи, поворчит: да это не отдельные рассказы, а главы некоего повествования! Так и главный персонаж предыдущей новеллы переходит в нижеследующую. Не прав наш дорогой читатель — это просто пересечение литературных героев.

♦ Не беря во внимание кратких и калейдоскопических детских и юношеских, правильнее — девичьих, сновидений, настоящие сюжетные сны начали посещать Олю Ладкову сразу после окончания университета и начала ее трудовой жизни. Вот и в прошедшую ночь (потому ли что начало полнолуния?) ей привиделось сразу три сна без театральных антрактов, без школьных и университетских перемен. И каждый из сюжетов с задаваемой загадкой, дескать, сны даются тебе, Олечка, с утренним напоминанием, поэтому сама и разгадывай!

В первом, явно для зачина (ох, ну и коварно же полнолуние!), явилась ожившая тичиановская картина «Динарий кесаря», не раз виденная ею в репродукциях художественных альбомов.** Вообще говоря, киношно-телевизионные и интернетовские фокусы с оживлением фигур на картинах и фотографиях ученые на то люди вполне оправданно относят к мощнейшим средствам разрушения психики. Это Оля прекрасно знала по своему образованию. Во сне она ежилась, чувствуя озноб и мурашки по коже, но в человеке дьяволом заложено и несколько паскудное любопытство, почти тяга к созерцанию всего аномального для его, в общем-то нормальной, психической установки. Вот и она со всеми своими ознобами и мурашками не могла оторваться от оживающей картины Тициана: рука иудейского провокатора от книжников и фарисеев все удлинялась и удлинялась, протягивая Христу монету динария: что, мол, новый вероучитель, загнал я тебя, в угол? — ни направо, ни налево от меня не отвертись!

* У Джойса в его романе своя, авторская, как сейчас принято говорить, грамматика, которую мы сохраняем в настоящем эпиграфе.— Прим. авт.

** Помнится, что «Динарий кесаря» до тридцатых годов был в экспозиции Эрмитажа, но затем как-то загадочно (госпродажа?) оказался в США. Может через Арманда Хаммера? — Прим. авт.

Оля скорее угадывала, нежели видела, дрожь руки нетерпения провокатора: ну же, ну же, новый спаситель человечества!

А на лице ожившего на картине Христа она наблюдала плавную, хотя и очень скорую смену выражений состояний ума и души. Начальное спокойствие, но именно спокойствие ожидания каверзного вопроса — он же прекрасно знает пронырливость агентуры синедриона? — сменяется при виде руки с динарием на мудрость в глазах, но — опять же спокойную. Ибо Спасителю все ведомо в человеке земном — а он и сам есть земное воплощение Бога! — все прошлое, настоящее и будущее до его далекого еще второго пришествия, хотя бы и первое пока не завершилось. Увы, оно скоро и неминуемо.

Собравшийся вокруг центральных фигур — лишь угадываемый зрителем — народ иудейский застыл в молчании ожидания ответа Христа. Удивительно для Оли: Спаситель и провокатор с динарием на картине ожили, а вот молчащая толпа слушателей осталась в полной статике, нарисованной Тицианом раз и навсегда — для музеев. И вот тихий ответ Христа: «Богу богово, а кесарю кесарево». И все. В Олином сне картина мигом обрела свою музейную неподвижность.

...И ушел образ Христа и другой — с дрожащей от нетерпения рукой с динарием, а во втором сюжете во вневременности сновидения четко, отчетливо в покaдровой развертке прокрутился советского времени фильм «Курьер» — от сцены развода родителей в суде до финальной ночной дворовой танцплощадки с танцором брейка. Первая и короткая, даже не начавшаяся развиваться юношеская любовь. Первый блин комом, но от него потянутся, уже за кадрами с надписью «Конец фильма», заранее неугадываемые, сплошь из случайностей и совпадений линии любви как содержания жизни. Кальдеронова «Жизнь как сон» — пьеса, читаемая с мурашками опять же. На сцене Оле ее видеть и слышать не довелось. И все объединил мрачнейший из философов Сёрен Аби Кьеркегор, определивший жизнь как сон, а любовь — содержанием этого сна. Думай, Оля, думай, проснувшись, о смысле повторения во сне старинчатого фильма о *начале* любви — содержания (через сон) жизни.

Завершающий же эпизод сна настолько ее насмешил, что Оля и проснулась с хохотом, понятно, не голосовым, но внутренним. Снился сельский пейзаж: луговое взгорье, а на высокой его точке беленькая с голубенькими куполами с золотыми звездочками небольшая церковь. Но — церковь все же, не уменьшительная на языке церковка. Чуть сбоку ее поповка о двух домах, за которыми крутой спуск к местной речке с бобровой запрудой, а за церковью, на недалеком от нее расстоянии раскинулось на равнине большое село. Пейзаж как пейзаж. И сама в детстве точно такой же видела, проводя ежегодно один из летних месяцев у деревенской своей бабуси. С дедусей и заматерелым холостяком, братом Олиной матери, со многими живностью на дворе. И сейчас она хоть на пару дней да съездит в это село; все живы, правда, не то чтобы здоровы: бабка, дед и заматерелый холостяк дядя.

Но во сне она поднималась по травянистому взгорью к церкви с бабусей именно девчонкой, начальной школьницей. Над взгорьем, раскидистым селом, окрестными полями и вплоть до дальнего отсюда соснового леса, обступившего гигантской подковой с трех сторон света эту местность, несся, словно не от церкви, но с бездонного синего неба, мерный колокольный звон. А шла Оленька с бабусей с противоположного их селу взгорья по той причине, что с утра ходили в совсем ближнюю, всего в двух километрах, деревеньку проведать захворавшую старшую сестру бабушки, значит, тоже Олину бабушку, только двоюродную. Слава богу и их сельскому фельдшеру, болящая перемоглась. «Еще денек-другой при избе побуду, чайком травяным попользуюсь, а там и огород забот требует», — говорила она на прощанье с сестрой и внучкой, сожалея, что слаба еще сегодня с ними пройтись до села, до церкви в такой-то праздник! А про храмовый праздник в селе еще загодя пожилые люди только и говорили. Бабуся объяснила Оле, что раз в год таковой в их селе и окрестных дерев-

нях случается на день святого, коим поименована их церковь с синими куполами и рассыпанными по ним золотыми звездочками...

«Вот и к обедне поспели,— сказала бабушка на середине взгорья,— слышишь, звон колокольный пореже и погудистее пошел!» Вот и раскрытые празднично церковные врата, в которые входит народ, в основном пожилые женщины в белых платочках. Некоторые и дедов своих или просто по пятому, по шестому десятку лет мужей с собой привели. Заметила Оля и нескольких девушек и молодых женщин, торопливо набрасывающих на головы платочки на самом входе, не совсем уверенно, видно со своими тайнами, входящих в храм. Обочь входной лестницы, но по разные ее стороны, стояли и нарочито плоховато одетые нищий и нищенка — но не из их села. Кто такие нищие, Оля знала еще по городу, но в последние год-два они как-то повывелись.

«Подойди, Оленька, сначала к женщине убогонькой, подай ей денежку, а потом к дедуся насупротив, с инвалидной рукой подвязанной. Есть с собой монетки в карманчике или дать тебе?» — бабуся потянулась в свою хозяйственную сумку за кошельком. «Есть, бабушка, есть», — звонко ответила Оля и вприпрыжку подбежала к убогонькой нищенке. «Спаси тебя, господи, — напевно заговорила та, — подай сиротинушке на хлебец и молочко». Оля, как уже уверенная по городской жизни покупательница, опустила руку в кармашек своего платья в веселенький горошек, не нашла там монеток, поэтому вынула карточку, на которую родители переводили деньги «на мороженое», протянула нищенке: «Снимите, бабушка, десять рублей». Убогонькая сиротинушка нагнулась, вынула из стоявшей на земле у ее ног клеенчатой сумки для сбора съестных подаваний, яблочков, булок — что подадут, приемный терминал с хвостиком вайфай-антенны, набрала цифру десять, для сверки показав экран Оле, затем приложила ее карточку, которую вернула подавшей милостыню со словами про спаси-тебя-господи. Перебежав дорожку перед лестницей в церковь, она так же, но уже сама, приложила карточку к загодя заготовленному инвалидным бродяжкой терминалу с набранной цифрой десять. «Спаси тебя, деточка, господи и пошли тебе, когда подрастешь, хорошего жениха», — поклонился девочке нищий, упрятывая терминал в свою сумку для подаваний. «Ишь, городские-то, — явно с поощрением промолвила входящая на церковную лестницу совсем высохшая старушка, — сызмальства приучены к цифровым технологиям!»

♦ Оля начала мысленно хохотать в последнюю секунду сна и еще с полминуты превозмогала желание расхохотаться голосом, проснувшись в самом веселом состоянии. Тем более — сегодня и завтра выходные. Не надо торопиться вылезать из-под одеяла, значит можно поразмышлять о сюжетных таких снах — пока не забылись. Что же связывает картину Тициана, старый советский фильм и вовсе перепутавшийся во времена храмовый праздник в дедушкином-бабушкином селе?

Проще понять причину отдельно для каждого сна. Здесь и рассуждать особо нечего. «Динарий кесаря» — на днях листала имевшийся дома — в числе еще нескольких других — альбом, впрочем, сборный, не одного Тициана; отсюда и «Динарий». Альбом же листала просто так, без определенной цели. «Позднее девичество, — тогда она усмехнулась, но справедливости ради кокетливо уточнила, — вернее, переход от девичества к самой расцветушей молодости!»

Советский фильм — еще проще. Не то что в рассеянии вечером по программе «Культура» поглядела, но мать позвала, увидев титры начала: «Оля! Посмотри «Курьера», тебе понравится, в нем оч-чень характерная изюминка, что сейчас вовсе разучились киношники делать, заложена». А после окончания фильма, что просмотрела вместе с дочерью, не отвлекаясь ни на какие домашние дела, добавила: «Когда он вышел в прокат, то несерьезно его восприняли, даже по части юмора многие отнесли. Что ж, и в более серьезном искусстве нередко будущую гениальность произведения не сразу осознавали. Здесь классический пример «Шестая симфония» Чай-

ковского. Даже друг Петра Ильича Римский-Корсаков что-то навроде «так, ничего себе» отозвался. А коль скоро после этой, последней симфонии Чайковского уже ничего сравнимого с ней в русской, да и вообще в мировой, музыке не появилось, тем более уже и не случится, то на сравнении «последняя гениальность» великого композитора стала ясна и необсуждаема. Так и вроде бы мимолетный «Курьер» на фоне современного примитивизма, точнее — идиотизма, «фильмотворчества» смотрится киноклассикой. Как и почти все советские фильмы — кроме «датских и иже с ними».

...Неудивительно, что фильм этот с пояснениями «самой умной из женщин», как совершенно искренне Оля называла мать, и вошел в сновидение прошедшей ночи.

И совсем просто с храмовым праздником, где дарующее сновидения подосознание так смело перепутало все времена: новый, «конфетно-букетный» еще, ее знакомый Игорь Редькин, первогодок-инженер из знаменитой в городе и далеко за его пределами «Меткости» имени академика Гусакова, как-то обмолвился, что-де скорее все настолько оцифруется, что и нищие на паперти будут милостыню брать с карточек на личные терминалы... А память для антуража картины действия дополнительно к терминалам нищих пышно прибавила воспоминания детства с летними пребываниями в селе у бабушки с бабушкой.

Но все же как связать столь разнохарактерные эпизоды воедино? Ведь подсознание дает человеку сон в определенной логике построения — это она сама на экзамене примерно так отвечала. Другое дело, если сон прерывается, но она-то спала не шлохнувшись, приятно устав за суматошно выдавшийся день, ни на секунду не пробуждаясь! Даже обычно шумноватый летом их двор этой ночью был «приглушен» моросившим с небольшими перерывами дождиком. Вот-вот. И дождь в помощь: когда как не под капель за окном спится крепко, непросыпно! Значит, окончательно решила она, должна быть единая логика во взаимосвязи всех трех эпизодов многожанрового сна.

Суббота, в смысле первый выходной день, более всего замечательна своим утренним началом: никаких будильников и будящих — пока одна *еще* ночь проводишь — и забот, заставляющих по пробуждении тотчас покидать постель. И размышлять, как вот сейчас, к примеру, не торопясь, о такой ерунде — о сновидениях. Вот сама к себе привязалась-то? Дался тебе, Олечка, составной, как пазлы, сон! Все единую логику ищешь — не женское это вовсе дело, ибо единое начало только в обычной, формальной логике присутствует, которая нашему полу не дана. И пусть мужики над этим не подхихикивают свысока — зато именно и только женщинам дана аналоговая, дедуктивная логика, намного богаче в своих возможностях мужской формальнологической, туповатой прямолинейности! — Как замечательно это объяснил публичный философ Бокль, книжками которого зачитывались в начале прошлого века, в числе прочих, все курсистки и гимназистки старших классов.

А вот по дедуктивной-то логике и можно безо всякого «Полусонника» и гадательных книг, что кипами переиздавались в девяностые годы возвращения мистики и метафизики... а вообще-то для наживы первичного накопления капитала, разгадать трехчленность только что просмотренного ею, Олечкой себя очень любящей, сновидения. Итак, тициановскую часть следует понимать, как и сказал Христос, в самом широком толковании и дедуктивными выводами на содержание ее начальной молодой жизни, что опять же есть некий сон с главным содержанием — любовью. То и значит, что обыденной жизни, работе своей, семье, а потом и семье своей, отдавая обыденное, а любви вечной и личной своей — любовное: дедукция от кесарева и бога. А года-то, пока еще малые для долгой жизни, но идут, потому надо себя и потопрапливать... как в библии — она поправилась: библию-то она не осилила, но в каком-то романе русской классики ссылку на библейское вычитала и в голове отложила — что-то навроде: никакого плода вожделенного дольше лет его созревания не убережешь, а если усилием своим и убережешь, то и выкинешь в конце концов. Бабуся

проще и яснее об этом говорит: главное, девонька моя, не перестоись, а то и сама себе не понадобится.

Та-а-ак, спасибо сну и его всемирному толкователю Фрейдю за актуальное напоминание! Вторая же часть с фильмом в таком ракурсе и вовсе орешек белке на зубок: шелк, ядрышко в пользу организма, а шелуха на землю. Юная трагическая пара в «Курьере» уже прямо, как учитель школьнику, напомнила: Оля! Начальное чувство-вание ты уже давно прошла в десятом классе и для надежности прорепетировала в студенческие годы. Ты — подготовлена для серьезного шага. Уже и мелкая романтика конфетно-букетных периодов без легкого смеха даже не вспоминается. «Пора, брат, пора!» И что там за морем или горами светлеет... или синее?

А к чему же смешной эпизод, в котором детские ее годы в деревне с бабусей перемещались во времени с предметами гипертрофированной современности, ха-ха! нищие с личными терминалами платежей с карточки? Думала она, так ни разу с пробуждения и не подняв голову с подушки, думала... а ведь смеху-то мало в такой аллегории. Когда времена путаются, то это есть шекспировское «порвалась связь времен», а в едином месте детское счастье, церковь, любовь бабуси и мерзейшие гэджики современности — это символ грядущего, нет-нет, уже наступившего, обезчеловечивания жизни. И значит, что скоро пришедшая к ней любовь, нет, *любовь*, обещает сбываться как высшее проявление человеческого начала на фоне безликости бытия. Как же страшно? Как ужасно! Разве прежде такое случалось? Ведь это не обычные — или даже необычные! — трудности жизни, но существование, даже в самом высоком градусе любви, в полном разрыве связи с прошлым и в вечном, но обреченном страхе перед будущим. Но я же молода, молода, только от юности отошла, мне ли отчаиваться? Оля посмеялась над посетившим ее страхом перед близким и далеким будущим, сбросила с себя одеяло и стрекозой вскочила с постели. «Ай да Оля, ай да мамина дочь!»

♦ Явившееся ей во сне бабушкино-с-дедушкой село, по их рассказам еще невнимательно слушающей взрослые разговоры девочке Оле, в дореволюционные годы являлось торговым, с двумя ярмарками в году, а бабушкин дедушка имел мельницу на местной речке и арендовал ссыпные — под зерно урожаев — амбары, то есть по деревенским меркам полагался человеком вполне обеспеченным: не миллионщиком, разумеется, даже не тысячным, но — зажиточным. А совместный земельный надел, доставшийся им от отца, полученный при отмене крепостного права царем-освободителем Александром Николаевичем, бабушкин дедушка отдал после разорения общины Столыпиным своему брату. Тот сугубо крестьянствовал, а на праздники рождества, пасхи и царевы («три дня за царя и два за царицу», — как говаривали тогда) иногда добродушно подначивал старшего брата: «Смотри, Матвей, земляной-то рубль тонок да долог, а торговый твой широк да короток!» Но революция их сравнила.

...Это все к тому вспоминала по утрам Оля, что в ее комнате стояло старинное трюмо, правда, всего лишь «под красное дерево», что некогда купил у мебельщика в соседнем уездном городе бабушкин дедушка. И уже Олины дедушка с бабушкой подарили семейную родовую память внучке в день ее шестнадцатилетия. Олин отец привез трюмо домой, но перед тем, будучи в отпуске в селе, самолично подновил деревянное обрамление полутораметровой высоты зеркала: где подчистил, подкрасил, все поладил. Руки у него из нужного места растут.

Так и в это позднее, субботнее утро, после трехсерийного сна-притчи, Оля, стрекозой вскочив с постели и, разоблачившись от пижамы (тут же подумала: пора, Олечка, отказываться от девичьей этой ночной одежды — замужние в пижамах не спят... хотя бы первые десять лет...), нагишом встала перед трюмо. На утреннюю поверку, как она это называла — все же офицерская дочка! «Что ж я хороша! Жуть!», — сказала и засмеялась, припомнив внешне глуповатую, но, если вдуматься, очень даже со смыслом фразу из телерекламы: «Я очень люблю искусство и говорить о том, что я люблю искусство, тоже очень люблю».

И уже не вслух, но мысленно прочитала свою «утреннюю молитву»: «Все во мне хорошо: мои двадцать два года и универ позади, головка очаровательна и далеко не пуста, а ножки? А вайтлс — хоть сейчас на подиум, притом не вобла сушеная, но ранняя приятная округлость во всем. А грудки-то «аэродром»-классика и за второй номер уже уверенно движутся — гм-м, умеренная ранняя, с семнадцати лет разве ранняя? интимная жизнь не то что не отягощает тело, но именно расцветивает его! Это как легкая физкультура красит человека, а ранний спорт, он же профессиональный, уродует... Тренировка перед серьезной любовью — оно же замужество, к которому надо тщательно готовиться... не торопиться, но — постоянно в неглупой своей головке держать!»

И после «молитвы» еще с десяток минут не то что вертелась, но замедленно вальсировала перед зеркалом, зная, уже с шестнадцатилетнего возраста даже мать не входит к ней, если дверь прикрыта. Стучать, конечно, не стучат, но окликают, дескать, к завтраку! Отец всех воинской дисциплине и внутреннему распорядку обучил на раз-два... И не просто вальсировала, но прокручивала к голове тему последнего времени, условно обозначенную ею как «гармония на разных октавах». Имея за детско-отроческими еще плечами начальную музыкальную школу, впрочем, незаконченную — надоело и все! — понимала, что такой шифр есть чушь, как говорится, совсем из разных опер, но — как обозначила, так и приняла.

Игорь и Ольга, да-а, киевские, они же варяжские, скандинавские имена. Очень даже в гармонии звучат, хотя бы и октавы у нее с новым, очень даже заинтересовавшим ее знакомцем, несколько различны. В душах ли? или в доминантах мышления? Но сродство или несродство душ выяснится только через некоторое время, даже подлиннее конфетно-букетного периода, даже после — господи! я еще умею розоветь, краснеть! — начального постельного знакомства. Здесь ни от нее, ни от него ничто и не зависит: все природа с ее лунными притяжениями сама решает — быть вместе или не быть. Но вот вроде бы различно мыслят? Да? Но ведь это все та же чушь: с ее стороны — обычный женский молодой выпендрей, с его — еще пока отсутствие, по молодости, самодостаточности мышления, как их на лекциях по психологии просвещали в универе. Пока же милый (мой уже? или пока нет?) Игореша все цитирует восторженно знаменитого в их университете профессора Скородумова — и ей эта фамилия знакома, — с которым он вроде как сдружился на последних курсах учебы. Но ведь и она еще не обабилась, не остервозилась, потому и ей занимательны рассуждения умничающего Игоря. О сущности нынешнего строя, в котором причудливым, но вовсе не исключаящим друг друга, образом тесно переплетены советизм, феодализм, то есть церковь, и наибольшее по удельному весу западничество.

...И как в современном глобальном миропорядке мышление и знание уже стопроцентно заменено полностью обезличенной информацией. А мерзкий американизм «креативность» как раз и есть суррогат прежнего творческого мышления. Совершенно искренне соглашалась она с новым своим (пока просто) другом, что сейчас в умах господствует гибридный иезуитизм современной роботизации и расчеловечивания: такой адепт с удовольствием — если что-то его заставит — прочтет и даже поймет «Идиота» Достоевского, может внешне вполне здраво судить о чем угодно, но он уже лишен способности творить! Словом, квалифицированный потребитель ранее или сейчас, но другими созданного. «Понимаешь, Оля (О-ля-ля! прогресс — с третьей встречи перешел-таки с Ольги на Олю!), современный человек эпохи глобализации и расчеловечивания даже и не подпадает под одну из противостоящих категорий: плох он или хорош. Просто для него уже не существует морального выбора между добром и злом, ибо таковые качества упразднены в расчеловеченном социуме...». И так дальше. Она же сдержалась в последний миг, чтобы бездумно, чисто по-женски очаровательно и беззлобно не съязвить, что-де для начинающего инженера-ракетчика очень ты, дорогой мой, умен и развит... во все стороны. И еще добавила про себя: «А

вот, к сожалению, в мою сторону ты не так стремительно идешь. Хотя бы по характеру своему далеко не робок!»

♦ «А какая у меня восхитительная попка,— хихикнула она мысленно,— профессионалки по части ниже пояса такие специально выращивают!». Оля мигом вспомнила картинку в журнальчике секс-объявлений, что привозили универские ребята, ездившие по мелкой коммерции в столицу, где такие бесплатно раздают, прямо вбрасывая в открытые окна авто, застревающих в бесконечной летней пробке на Варшавке, лихие ребяташки «от редакции» — гостям столицы. «Все ведь для него, будущего суженого-ряженого, сберегаю, чтобы хотя бы первые пять-десять лет на скороспелых профурсеток не скидывался. Мол, дома получше вас во всех отношениях ждет!» Я же тебя, мой грядущий суженый-ряженный, дома всегда встречу с неподдельной, неугасимой любовью и... нестареющим роскошным телом. Оля еще раз почувствовала теплоту зардевшихся щек, опять же вспомнив курсовую, что решила по второму году учебы не абы как скомпилировать из инта, но попробовала, к изумлению всех своих курсников, сочинить самостоятельно. Попытка удалась; правда, больше на такие подвиги она не отчаивалась. Зато много для себя полезного и нравоучительного почерпнула, особо отметив «библейский интим», а именно словосочетание «отверзнув ложесна». Эти древнерусские слова куда как целомудреннее... нет, даже торжественно целомудреннее, звучат, нежели нынешний безликий американизм (это уже от недавнего по времени общения с Игорем терминология) «секс» и приклатненное «траханье». «Отверзну для тебя, мой грядущий милый, свои ложесна страстно телесно и целомудренно душевно в одно и то же время — в тот же миг, в тот же час, а лучше во всю ночь!» — пелось в ее сердце — откровенно. Откровенность, полагала она, совершенно иное, нежели бесстыдство. Хотя бы по натуре своей, по биологии женщина сама-одна и в своем женском кругу бесстыдна — с точки зрения мужчин, конечно, и еще формально понимаемой этики. Поэтому она как обычное, поведенческое воспринимает типично женские откровения своего круга общения.

Вот та же Танька, одноклассница, выскочившая замуж аж на первом курсе, а по окончании учебы и не думающая идти работать, благо муженек коммерс средне-малой руки. С неделю назад случайно встретились, зашли поболтать в кафешку. Болтала-то она всякую чертовщинку — бабенки молодые дуреют от сладострастного безделья. «...Знаешь, Олечка, с мужчинами с самого начала надо приучаться не особо их расслаблять. Наша главная ценность для них — что между ногами, поэтому даже в обыденной, супружеской жизни следует умело этим пользоваться. Вот своего Витальку воспитываю: когда начинает, ссылаясь на трудности в своем бизнесе, ограничивать меня в деньгах «на шпильки», так я ему встречное: хочешь поиметь меня в постели — будь добр пару тысконок за одноразовое пользование! Ха-ха-ха, Олечка, женщина по натуре своей природной бесплатно на себе порезвиться мужику не даст, будь она профессиональной проституткой, содержанкой или... законной женой, даже и любящей».

И тоже вроде как давняя, еще со школьной парты, подруга Яна Зиборская, дочь приличных, как сейчас говорят, родителей с доходами, тем не менее патологически жадная — не в смысле «все в дом тащить», но обязательно своего очередного ухаже-ра как следует вытрясти. То есть жадность спортивного свойства скорее. Поэтому в черед своих «бывших» даже с уважением постоянно вспоминает незнаемого Ольгой Диму: «...Был у меня, Олечка, такой воспитанный друг, очень воспитанный и нежадный. Однажды исчез на целый месяц: не звонит сам, и на мои уклончиво как-то отвечает про форс-мажор и прочее. Но прошел этот странный месяц и — является Дима пред мои очи, в руках огромный букет роз и коробочка с французскими духами модной в том сезоне серии от Шанель. Все извиняется, про свой форс-мажор лепечет... и только через пару недель, в постели наутро признался, что на самом деле случилось, что на целый месяц оказался он совершенно без более-менее нормальных денег, «по-

этому, Яночка, я бы не смог тебе покупать то, на что ты обратишь внимание». Представляешь каково, Олечка! Жаль, что ему дорогу в моей части перебежал такой солидный мужик, что... впрочем, у меня с ним долго не продержалось. И после Димочки я уже заранее прошупываю своих новых, рассказывая как бы к случаю про «покупать то, на что я внимание обращаю...». Сразу жмоты и халывщики на дармовщинку пользоваться в сторону отбегают!»

При этом рассказе Яны Ольге вспомнился фильм Кустурицы «Черная кошка, белый кот» — причем не столько по содержанию, сколько по названию. Хотя бы все эти, именуемые интеллектуальными, картины Феллини, Тарковского, того же Кустурицы, трепета в ней не возбуждали. «Натура моя не нервическая, но и не хладнокровная, — отвечала она на этот счет в «умных» беседах, — что значит, опять-таки, не серединка наполовинку, но характер мой не требует внешнего возбудителя: ни в сердце, ни в голове, ни в гипотетически предполагаемой душе». Умная же мать — и поддакивающий ей в тонких материях отец — резюмировала просто: «Крестьянка ты, Олечка, по натуре, конкретная и реальная. И если таковое качество в семи поколениях сохраняется хотя бы в абрисе, то значит не совсем пропащий человек. Женщина — тем более».

...За завтраком она будничным — хотя на дворе суббота! — голосом сообщила, что на оба выходные дня уезжает за город, на дачу.

— Так и мы туда собираемся, — с мужской туповатостью вскинулся отец, которого тотчас дополнила умная мать:

— Мы-то на свою, а Ольга на чужую, да?

— Пока, мам, на чужую, а там видно будет.

Больше вопросов не задавали. Переодевшись у себя в дорожную одежду, взглянула на настенные часы: до половины десятого оставались считанные минуты. Присела и скоро дождалась звонка от Игоря, коротко ответила, что уже выходит из дома.

Принято считать, что феминизм и женская эмансипация возникли где-то в начале второй половины XIX века и преимущественно в вольнолюбивых Северо-Американских Соединенных Штатах — САСШ — тогдашнее их самоназвание. А в России первый пик (помните из классики стриженных барышень-курсисток?), назлектризованный двумя романами — более известным «Накануне» и ныне подзабытым «Подводным камнем», пришелся на последнюю треть

того же века; в начале же века двадцатого отечественная эмансипация как-то просто и естественно переросла в обычную половую распущенность... Основные девизы эмансипации: «Нет больше завтра — все сегодня!», «Нет больше мужей!», «Да здравствует только один закон: закон моды!», «Половой акт — как выпить стакан воды!» (Коллонтай) и ряд сопутствующих, но не афишируемых, типа: «Земля — землевладельцам, фабрики — фабрикантам, моря — судовладельцам, но при условии, чтобы они были моими содержателями». Более всего эмансипантки не любят трудиться физически; об умственном труде скромно умолчим.

...Но на самом деле эмансипация, то есть бездумное своеволие женщин, берет начало в библейской поре и следует весь период цивилизации и культуры человечества. Самое существенное, что истоки эмансипации предельно просты: невнимание мужчин к не очень красивым женщинам, к тому же неряхам, бездельницам — даже в постели.

ЛЕКЦИЯ О ПОСТФИЛЛОКСЕРЕ

Если бы Вольтер знал этого нашего земляка, то он должен был бы сознаться, что не ему одному казалось удобнее молиться после обеда, чем пред обедом, но наши натуральные философы, вероятно, никогда не получают известности, постоянно предвосхищаемой у них чужеземцами.

Н. С. Лесков «Захудалый род»

◆ — Здравствуйтесь, товарищи аспиранты! Мне предо...

— А если здесь господа присутствуют? — перебил профессор весельчак с самого дальнего и верхнего ряда лектория главного корпуса университета, где собрали под сотню аспирантов со всех факультетов, по-новомодному — институтов. Профессор, с наследственным стопроцентным зрением, тотчас узрел в весельчаке одного из троицы, с которой он столкнулся, зашедши по пути на лекцию в «Наливайку» острограммиться коньячком — для бойкости речи, ибо давно уже отошел от чтения лекций, что полагал тратой времени и вообще делом «училок» обоего пола. Тем более, что иконостас его степеней, званий и лауреатств позволял такое барство кабинетного пишущего и размышляющего сидельца.

— Гм-м, любезнейший мой, господ наши деды-прадеды в семнадцатом году преимущественно в деревянные бушлаты поодевали, как шутовали братишки балтийские, перепоясанные пулеметными лентами. Остальные же в Париж успели отбыть. Теперешние же господа, что от братков лихих девяностых, ваучерных коллекционеров, продавцов родины на Запад в розницу и оптом, чиновных взяточников, разного рода беспредельщиков в погонах и прочая, прочая, — нам вовсе не господа, а буржуазно-воровская биомасса, которая уже скоро сама себя сожрет: отслужили свою службу и — пора на покой. Слова же товарищ не рекомендую стесняться, его ничем не вытеснишь. Оно же официальное обращение во всех ведомствах, где народ в тех же погонах. Ну, это к слову и к реплике вашего веселого, явно после «Наливайки», коллеги. А сейчас к делу.

Название лекции вам известно из разосланного по кафедрам отделом аспирантуры распоряжения... или как это там называется? Я что-то не запоминаю канцелярской

лексики. Но для начала я вам не анекдотец расскажу, как это делают профессиональные лекторы, но одну историческую справку. Вряд ли вы, исключая, может аспирантов, да и то девушек из отличниц предыдущей учебы в школе и потом в университете, сколь-либо знакомы с русской и, особенно, европейской классикой конца девятнадцатого — начала двадцатого веков. А в романах тех лет не редкость встретить такие сценки. Сидят вечером у камина в замке Девоншира или Уэльса два джентльмена, беседуют о добротной политике кабинета министров ее величества королевы Виктории, а под неспешную беседу курят сигары и попивают, как то в родовых английских замках вечером у камина принято, коллекционный португальский портвейн. По-португальски название этого государства Оппорто, отсюда и портвейн. Кстати и к слову. Вам вот средства, так сказать, массовой информации, а вообще-то дезинформации, забили головы ваши невинные — от истинного знания — дескать, только сейчас винные лавки, навроде монопольной «Красное и белое», забиты всевозможной европейской «киркой» — пей не хочу! — а в советское, мол, время только отечественной фабрикации продукт имелся. Во-первых, этот самый продукт имел высочайшее качество по доступным ценам; во-вторых, все нынешние якобы европейские напитки суть подмосковная выделка из молдаванского винного порошка... как классик писал: «Сюда жемчуг привез индеец, поддельны вина европейца». А в-третьих, в шестидесятые-семидесятые годы бартером за нефть, вернее ее избыток, что на Запад гнали, порой страну нашу наводняли поставки самых диковинных, ранее в романах только читанных, подлинных европейских горячительных: то шотландское виски «Клуб'99», а однажды перед Новым годом захожу в свой овощной за картошкой, а там — ящики с французским розовым шампанским «Мадам Помпадур». На дипломной практике в Загорске, ныне Сергиевом Посаде, во всех продмагах объявился датский «Черри-керри» — вишневый ликер, который и в самой Европе-то редкость! Словом, была страна чудес, ребята.

...Однако опять отвлекся. Так вот, сидят джентльмены перед камином, сигарами дымят, портвешок гурмански прихлебывают. «А что, сэр Генри, недурственный ведь портвейн?» — «Да, лорд Уильям, давненько я такого портвейна не пивал. Хороший у вас винный погреб, однако». — «Сэр Генри! Так я специально камердинеру велел принести бутылочку из заветного ящика. Это же *прафиллоксера!*» — «Да-а? Я потрясен, лорд Уильям. То-то мои вкусовые рецепторы подсказывают: никак, достопочтенный хозяин замка велел подать прафиллоксеру! Польщен...».

И так далее эти джентльмены беседуют вперемежку о высокой политике кабинета министров ее величества королевы Британии и императрицы Индии Виктории и достоинствах портвешка категории прафиллоксеры. А что такое обозначается, этим термином, отдающим одновременно биологией и химией? С кафедры биологии есть желающие?

— Да-да,— зачистила отличница в очках,— про приставку «пра» не знаю, а филлоксера — насекомое, разновидность тли.

— Спасибо, уважаемая. Добавлю, что эта тля специализируется на листьях и корнях виноградных кустов. С античных времен в Европе — от Пиренеев до Крыма и Кавказа — холили и лелеяли виноградную лозу, в итоге вывода уникальные сорта, каждый из которых придавал выделяемому вину неповторимый вкус. Но, как говорится, все зло идет из Америки: сифилис, табак, марихуана, колорадский жук, атомная бомба, голливудские фильмы и так далее. Вот и тля эта в последней трети позапрошлого века оттуда же попала в Европу и за короткий срок начисто истребила все виноградники — от тех же Пиренеев до винной житницы империи Российской: Бессарабии, Крыма и Кавказа. Как ни боролись с ней, например, в России даже правительственные филлоксерные комитеты были созданы, толку не было: все виноградное сортовое изобилие, тысячелетиями создававшееся в Старом Свете, погибло. И только в начале тысяча девятисотых годов с трудом восстановили европейские

лозы на подвоях лоз американских, которые, своя свою познаша, могут противостоять филлоксеру.

Таким образом, появились сорта винограда, а значит и вина из него, уже генетически чуждые прежним сортам — и вин в том числе. Нечто иное. Мы с вами, коль скоро винных наследственных замковых подвалов не имеем, уже *никогда* не сможем ощутить своими рецепторами тот исчезнувший вкус и аромат исторического европейского винограда и вина из него. Увы, уже сто со многими годами впридачу лет европеец ест и пьет американизированный виноград и вино из него. И только те самые английские джентльмены, которые у камина и с сигарами, могли, да и то в начале — первой трети прошлого века, побаловать себя коллекционным портвешком, произведенным из дофиллоксерного европейского винограда. Отсюда и название таких редкостных вин — прафиллоксера, то есть выделанные до нашествия американской тли на европейские виноградники. А к чему я такой странный экскурс в историю сделал — это чтобы понятнее стало содержание моей лекции. Итак.

♦ — Если прафиллоксера есть «до филлоксеры», то позволю себе ввести термин *постфиллоксера* — «после филлоксеры». Улавливаете кардинальное различие? — До и после, а между ними полный разрыв преемственности. Считается, что в человеческой, социумной эволюции такой радикальный разрыв преемственности есть нонсенс. Кстати говоря, поясню причину настоящей лекции и почему руководство университета через исполнителя — отдел аспирантуры сделало такое предложение именно мне, как говорится, человеку со многими степенями и званиями в науке, но напрочь лишенному всяких, даже самых ничтожных должностей, что в нашу эпоху административного восторга соответствует этакой нуль-валентности. Аспиранты с кафедры химии это мигом себе представляют.

Как мне, не без основания на то, представляется, из минвуза, где чиновников немислимо много, всем им надо каждодневно отчитываться за высокую столичную зарплату, спущен по вертикали подчинения очередной — из бесчисленной череды — циркуляр об усилении работы с кузницей кадров высшей квалификации в части более осмысленной ориентации молодых ученых, то есть аспирантов и докторантов вузов, в генеральной проблематике современной науки... уф-ф, что-то в таком смысле, но явно более канцелярским диалектом русского языка. С примесью устоявшихся американизмов. Ректор, понятно дело, человек архизанятый физическим, так сказать, выживанием университета, в бумагу эту не вчитывался, а прямо адресовал проректору на науке. Тот, как человек старого закала, прочитал, тут же эту белиберду напрочь забыл и переадресовал в отдел аспирантуры. Там же коллектив женский, поэтому, до докапываясь до глубинной сути — многие знания приносят многие скорби! — сходу уловили сущность внешнюю: провести мероприятие и по всей восходящей вертикали отчитаться. А заведующей отделом, милейшей Галине Степановне, тотчас и кандидатура стрелочника определилась, то есть ваш покорный слуга, хорошо ей известный по моим многочисленным поколениям воспитанных аспирантов, ранее бывший председателем сразу двух диссертационных советов, главное — умеющий говорить по сути вопроса, а не научно-бюрократическими штампованными фразами ни о чем. Вот и вся предыстория нашей с вами, полупочтенные, сегодняшней встречи. С другой стороны, и мне, лекций не читающему, иногда полезно с молодыми людьми федерации российской побеседовать, и вам положенный соответствующим распоряжением урок отбыть.

Собрали вас со всех кафедр; как говаривали царские гимназисты, от чистописания и закона божия до физики Краевича и бинома Ньютонова, поэтому и буду говорить о пресловутой «осмысленной ориентации» в современной науке понятийно, стараясь избегать акцентации на конкретные научные отрасли, хотя... как говорил персонаж знаменитого фильма Данелии, наверняка вам знакомого, общество без цветовой дифференциации штанов не имеет будущего. Что-то в этом смысле, тем более

говорить о чем-либо в общем, значит не оставлять особого следа в памяти. Но все же постарайтесь хоть суть уловить.

Еще один существенный момент: все мы с вами имеем глубочайшее несчастье присутствовать в исторической человеческой комедии на самой крутизне взлета процесса глобализации. Поэтому, рассуждая о чем угодно, в нашем случае о науке, употреблять слова и понятия навроде некоей национальной идеи, государственной исключительности, словом, делить на «ваше» и «наше», по меньшей мере излишне. На то она и глобализация, чтобы любой процесс объективно исследовать применительно только ко всему зем шару, говоря словами Маяковского, а не разделяя его на всякие европы и америки... тоже вроде он говорил. А всякие там противостояния, «наше дело правое, а ваше наоборот» и так далее, о чем круглосуточно актеры, изображающие «ведущих политологов», на телеэкранах беснуются, это всего лишь сложная, математически — и гениально! — рассчитанная кем надо, что обычно называют тайным мировым правительством, гибридная стратегия и тактика глобализации. Поверьте, это не в обиду никому не будь сказано. Поэтому выделять какую-то национальную идею, все одно что у братанов-хохлов сейчас гипертрофированная самостийность и незалежность. Они даже неизбежные американизмы украинизируют: вместо *шоу* и *вау* нарочито выговаривают *шову* и *увау*! Еще у америкосов имеется со времен декларации о независимости тринадцати штатов национальная идея, она же сейчас общечеловеческая ценность: доллар.

Ишь вы как, соколята, при заветном слове встрепнулись! Даже приморенные после своих подработочных трудовней и трудовночей за компом из полусна в явь перекинулись. Ладно, ладно, шуткую, за обиду не сочтите. Ибо раз глобализация есть всеми признанная реальность, то и ее условно-расчетная единица также таковой является. А если со временем на смену доллару что-то и придет, то явно не тугрик или тенге, но виртуальный битковен... или как там он правильно называется — это вы уж намного лучше меня ориентируетесь. Я ко всем таким компам-гэджикам ближе чем на полтора метра не подходу, ибо с десяток лет тому назад создал биофизическую теорию об оглушении человека использованием этих штуквин. И снова возвращаемся к нашим *пра* и *пост*.

♦ — «Прервалась связь времен» — по Шекспиру. Удачнее не скажешь, поэтому кстати и некстати постоянно повторяют слова этого, одного из двух — второй Ньютон — британских гениев. Вот в литературе Россия дала миру равнозначного Шекспиру гения — Федора Михайловича Достоевского, в науке же, увы, «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» наше отечество не дало. Тем более не даст в «светлом» глобо-будущем. И не дало по той причине, по каковой же во всей истории науки наши умы всегда были предвосхищаемы европейской мыслью, что народ наш в той же истории всемирной слишком молод еще: не было у него европейской античности, в свою очередь вобравшей в себя предыдущие тысячелетия Египта, Иудеи, Финикии, Персии, быть может и не совсем мифологической Атлантиды. И Христову мораль, высшую в цивилизации, Запад на тысячу лет раньше нас воспринял. То есть, вовсе не школьная зубоговорка о трехсотлетнем татаро-монгольском иге, в котором, кстати говоря, Московско-Суздальско-Владимирская Русь являлась вполне автономным государством, есть причина нашей вторичности в отношении Европы, а только наша молодость! Вы же, здесь сидящие, не можете знать больше меня — я не об интернете и прочей цифрофрени говорю, — и при этом не ссылаюсь, например, на опеку родителей, даже не из татаро-монголов, а понимаете: молоды еще, но вот придет время и мы, дескать, вам, Игорь Васильевич, то бишь многостепенной и многозванный профессор Скородумов, еще покажем!

Увы, ребята, всей душой радовался бы за вас, но связь времен, в науке в том числе, уже разорвана, и «пост» уже иного сорта фрукт, нежели уходящее в небытие «пра». Как современная мадера массандровская — впрочем, в ее качестве я сомнева-

юсь — нечто совершенно иное по сравнению с прафиллоксерой мадерой тех же крымских виноградников Воронцова. Тем более — с острова Мадейры. Что с кораб- ликом на этикетке, прафиллоксеру которой Григорий Распутин распивал в последний день своей бурной жизни у князя Феликса Юсупова — прямого потомка брата про- рока Магомета...

Законный вопрос: зачем социальной эволюции человечества, доселе десять тысяч лет протекавшей размеренно, без разрыва «связи времен», именно сейчас, в насту- пившую эпоху глобализации, потребовалось свершить такой радикальный разрыв? Ответ без лицемерия, всякой там толерантности и политкорректности прост: индиви- дуальный человек выполнил свою задачу, создав технический информационный мир, которому его создатель в биологической форме *homo sapiens*, именно как мыслящая индивидуальность! уже без надобности. Главное, что этот самый *хomo* к сегодняшнему дню силой своего знания уже *все* открыл и обосновал в мире законов и объектов, их соединяющих процессов — все что ему, так сказать, доверено знать эволюцией. Да вы и сами это прекрасно видите: ненужность в человеке, в массовости интеллектов, уже налицо. И телеящик о том же твердит, дескать, уже завтра все будут делать ро- боты... при этом лицемерно опуская естественный вопрос: а что же остается делать человеку? и нужен ли он вообще?

— А кто же будет этими роботами управлять, создавать все более совершенные их варианты? — воспользовалась паузой профессора давешняя отличница в очках, с кафедры биологии.

— Управлять же процессом, но уже не научно-техническим для людей, а вирту- ально-информационным — пока никто не может ответить для кого, — будет вирту- альный же коллективный разум. Звучит красиво и вроде как оптимистично, но на самом деле — зловеще. Опять немного из истории. Сейчас в фаворе коллекциониро- вать доллары и евро, на худой конец рубли. Я же человек советского закала, поэтому собираю различные занимательные книги старых изданий. Поэтому издавна постоян- ный клиент нашего букинистического магазина, что рядом с областным драмтеат- ром, а когда-то, в давние времена, в самом начале проспекта располагался, где сейчас площадь перед кремлем и зданием администрации. Как-то роясь на его полках, на- шел очень редкое издание, о котором ранее встретил упоминание у одного из наших классиков, а именно изданный в Одессе в середине девятнадцатого века «Новорос- сийский литературный сборник». В два вечера прочитал его и особо отметил слова составителя и редактора сборника некоего Георгиевского, смысл которых в следую- щем: любая коллективизация, централизация умственной деятельности суть ненор- мальное, вредное явление, ибо таковое парализует разумную жизнедеятельность всех остальных частей общества... Это я на современном языке передаю. А завершает это умозаключение Георгиевский словами: «Стягивает все силы к одному пункту».

То есть таковое определение доминанты коллективного разума, данное полтора- ста с лишним лет назад, действительно в уныние повергает. Так понимаю, что из фантастики в школьные годы вы одну американщину читали, минуя великолепных советских мастеров этого жанра, того же Алексея Толстого, Беляева, Ефремова, Ер- меея Парнова... я прав? А вот у второго из мною названных описан как раз символ будущего коллективного разума — централизации умственной деятельности. Имею в виду голову профессора Доуэля. То есть взятая отдельно мыслящая голова системой электродов подключена...

— Так ее специально отрубили что ли? Где-то читал похожее у Саймака, — хамо- вато перебил профессора все тот же весельчак с верхнего ряда амфитеатра, что тре- бовал реабилитации господ.

— Юноша, знаний алчущий! Сожалею, но нет времени пересказывать эту знако- вую фантастическую повесть. Уж не поленитесь на досуге сами прочитать. Итак, мыслящая голова профессора Доуэля подключена к технической системе, которой он

и управляет централизованно. Полнейшая аналогия с нашей современностью, в которой человек, то есть его голова, является составной частью всемирной телекоммуникационной сети, того же интернета. Следующий шаг, к которому мы уже близки, — уже запрограммированная работа сети вовсе без не востребовавшего ею человека. Это и есть глобальный виртуальный коллективный разум.

У нас еще целый академический час с четвертью в запасе, в течение которых я и разовью тему лекции в конкретизации науки и технологий современных и в ближней перспективе, что, собственно, и есть тема лекции.

♦ После лекции Жора, Гена и Стас вернулись в «Наливайку», благо до нее идти от главного корпуса три-четыре минуты, выходя из которой перед лекцией они и столкнулись с профессором Скородумовым. Причина «продолжения банкета» — старшему из троицы Стасу сегодня стукнуло четверть века; Жора с Геной на год с месяцами (разными) моложе, а содружество их еще со школьных лет: двое последних и живут в одном квартале и учились в параллельных классах. Со Стасом они познакомились в студенческие годы, подрабатывая по компьютерной части в одной конторке, специализировавшейся на разработке сайтов по заказу мелких фирм, торговых компаний и вообще «за ваши деньги любой каприз». Заодно неопасно хакерствовали — тоже по заказам, но избегали криминала. Хотя... в нынешней жизни мелкого частнособственничества сложно хоть в чем-то, но не преступить черту этого самого криминала. Учились все трое на различных факультетах, кафедры нынешнего аспирантства тоже в разных корпусах. К тому же сейчас и работали все розно. Чтобы не терять содружества, парутройку раз в году устраивали мальчишники. А сегодня и сам бог велел: первый малый юбилей в их троице — «четвертной» Стасу — и встреча на лекции, за обязательное посещение которой каждый расписался в распоряжениях по своим кафедрам.

За их двухчасовое отсутствие в славном заведении «Наливай-ка!» мало что изменилось: усатый парень за барной стойкой, он же «наливайщик», его молоденькая помощница, она и официантка. Из пяти столиков два свободные. Если перед лекцией они наспех хватили по сотке у стойки, то сейчас поосновательнее расположились за одним из свободных, заказали подскочившей Маше, смахивающей на старшеклассницу, бутылек вполне съедобной водки рóзлива в Ленобласти, на закуску горячего и селедочки с зеленым горошком. Осмотрелись: за одним из столиков явно молодые препода что-то отмечали, за двумя другими — сборная солянка, тоже из молодежи. А на высоком стульчике у бара сидела все та же скучная, некрасивая и прыщавая студентка; как и пару часов назад, перед ней стояли почти нетронутая тарелка с нарезанной вареной картошкой, посыпанной лучком, и стакан с самым дешевым соком.

— Смотри,— хихикнул Жорка,— все женихов ждет!

— Да-а,— жалеючи посмотрел на девицу Генка, учившийся в детской музыкальной школе,— прямо Сольвейг, «весна пролетела и лето прошло». Жалею девок некрасивых. Ну, разливай за здоровье нашего юбиляра!

Выпили, с чувством закусили отменной малосольной селедочкой. Генка подтолкнул Жорку локтем:

— Эк тебя профессор лихо осадил и по части господ и про отрезанную голову его коллеги профессора Доуэля!

— Хм-м, сироту всякий обидеть может, тем более — он профессор многократно заслуженный, я же бесправный аспирант...

— Такого казанского сироту,— съязвил Генка,— с вольно болтающимся языком черту знакомому подарить, а незнакомый в обрат в мешке принесет! Так моя бабуся отцу говорит, когда тот с корпоратива своей лавочки на бровях домой приходит. И чего это нас принудили на лекцию? Два часа времени только потеряли.

— Не скажи, мой юный друг,— вступил Стас,— ты вот начал говорить, прямо-таки по Далю, живым великорусским слоганом. Правильно профессор про бизнес и проблему, как самые шелудивые американизмы, сказал. Действительно ведь, бизнес — это

только зарабатывание бабок каким угодно способом. И полный идиотизм, как сказал Скородумов, говорить про «течение проблем». А суть его лекции — вполне аргументированное разъяснение: в глобальном постсоциуме наука, в прежнем ее толковании, подменяется утилитарными технологиями, к тому же стопроцентно оцифрованными. Так что мы, братья мои, хоть на год, но меньшие, уже не наукой будем увлеченно заниматься, как наш уважаемый профессор, но, в лучшем случае, станем несколько ущербными головами профессора Доуэля при компах... даже не головами, а пальцами рук при клавиатурах. Впрочем, лет через пяток, может и пораньше, когда америкосы с джапанцами поставят на поток в Китае систему интерактивного голосового общения с компами, руки тоже не понадобятся — только язык. И еще через пять лет — считывание с сетчатки глаза. Впрочем, как наш профи предрекает, человек и вовсе выпадет из этих самых цифровых технологий. Давай по второй за несчастливое будущее, но уже скорое, человечества! Понятно, и за нас с вами. Бум здравы!

Принялись, нагуляв аппетит недурственной водочкой из Ленобласти, пропущенной, как радостно сообщалось на этикетке, через серебряный фильтр, за горячее.

Беседа с обсуждением лекции профессора Скородумова с акцентированными выкриками Жорки «пора из рашки этой в Европу, а лучше в Штаты валить!» — Генки «защищусь для проформы и к дядьке, управляющему в супермаркете «Амстердам!, работать пойду компьютерщиком!» и урезонивающим голосом Стаса «все там будем!» затянулась. Опустевшую бутылку ленобластной дополняли разливанной в стаканах, приносимых шустрой Машей. До песняка дело не дошло, содержание лекции одобрили, но остались при своих — у каждого — мнениях. *Gaudeamus igitur*, словом.

Раньше народ увлекался спиритическими сеансами. Как это ни странно, но с развитием научного мировоззрения страсть к мистическим играм не ослабевает. Только в наше время это называется экстрасенсорикой, паранпсихологией, биоэнергетикой, уфологией и пр. Человек мазохистски любит время от времени быть одураченным. Так стоит ли создавать высокоученные комитеты по борьбе с лженаукой? Зачем лишать людей удовольствия?